

Ольга Катунь

АЛТАЙ

Ольга Катунь

Алтай

«Автор»

2026

Катунь О.

Алтай / О. Катунь — «Автор», 2026

Детство пахнет пирогами, стружками и первой игрой в войнушку. Маленький командир берёт высоту 112,3 - пока только в овраге за кустом смородины. Но это только начало цикла «Алтай». Зачем командиру таинственный позывной? И как детская игра превращается в воинскую доблесть, когда за спиной настоящий взвод, а мужество, рожденное в овраге, держит удар там, где царапины сменились осколками? Первая самая мирная глава.

© Катунь О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Высота 112,3	5
Глава 2. Голубой берет	9
Глава 3. КМБ	13
Глава 4. ДМБ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Катунь

Алтай

Глава 1. Высота 112,3

«...256 мотострелковой бригаде к 06:00 ч. 20 июля сосредоточиться в районе высоты 112,3 и занять оборону по восточному берегу реки, организовав систему огня на переднем крае...»

«Группе десанта: штурмовать высоту 112,3. Удерживать рубеж. Не отступать.»

Это Максим тщательно выводит командирские приказы в школьной тетрадке, вдоль и поперёк исписанной донесениями. Рядом с боевыми приказами графично расположились чертежи с расположением вражеских войск под грифом «Особо секретно». Рядом на стене висит солдатский планшет с истрёпанной картой путей и дорог СССР. Если бы враг действительно заглянул в эту комнату, он бы сначала наткнулся на стройные ряды пластмассовых солдатиков — Максим расставил их с утра по всем правилам тактики. А потом запутался бы в Танечкиных куклах, разбросанных тут же, в тылу.

За окном — знойное лето. А впереди — целая жизнь.

Мирно тикают часы на стене. За домом блещет лесное озеро с серебряной плотвой и золотыми карасями. В углу валяется удочка. Но сейчас не до рыбалки — армия готовится к наступательной военной операции.

На кухне слышно, как бабушка печёт пироги, напевая что-то себе под нос. По комнате летают назойливые мухи. Младшая сестрёнка Танечка собрала полевую аптечку и канючит сделать ей такой же деревянный автомат, чтобы отстреливаться от врагов. Благо — с инструментами Максим научился управляться отлично.

— Сделай автомат! — канючила Танечка.

— Ты медсестра, тебе бинты нужны, — возражал Максим.

— А я буду стрелять бинтами! Заряжаю — перевязываю! Враг упадет от удивления.

— Логика железная, — усмехнулся Максим. — Но автомат сделаю. А то ты ещё придумаешь стрелять бабушкиными пирогами.

Танечка обиженно надулась: — Пироги — это стратегический запас, их расходовать нельзя!

Сказано — сделано! Теперь вся армия вооружена — даже медсестры.

«Как настоящий!» — с восхищением улыбается сестрёнка.

«На рассвете выступаем!» — командует Максим.

Едва он отложил инструменты, как со стороны старого оврага, что за кустами зелёной смородины, донёлся знакомый крик:

— Командир!

Это соседские мальчишки зовут играть в войнушку. Командир с медсестрой недолго думая собирают обмундирование и перелезают в открытое окно в сад.

Когда солдаты построились, выяснилось, что один боец потерял свой деревянный автомат. Пришлось выдать ему черенок от лопаты. «Тяжёлое оружие», — уважительно сказал командир, и боец зашагал гордо, будто нёс гранатомёт.

— А у меня рогатка! — закричал кто-то из окопа. — Горохом стреляет, как гаубица!

Гаубица немедленно выстрелила, но горох отскочил от забора и попал в самого стрелка.

«Своих не обстреливать!» — строго сказал командир.

— Так, внимание! — скомандовал Максим. — Присваиваю позывные. Гвоздём! Лопатин! Штыков! Медсестра...

Танечка вытянулась.

— Кулебякина! — неожиданно для себя произнёс командир.

— Почему не Клубничкина? — обиженно спросила медсестра.

— Потому что Кулебякина звучит как военная тайна, — серьёзно ответил командир. — А Клубничкина — это десерт. В бою нужна твёрдость.

— Хитро, — уважительно сказал Петька.

— Тактический манёвр, — важно кивнул командир.

Танечка вздохнула и приняла судьбу.

— Хорошо, я Кулебякина. Но тогда Гвоздём должен прибить мне полку для бинтов.

Взвод одобрительно закивал.

— Есть! — крикнул Гвоздём.

— Боевое слаживание, — одобрил командир. — Всем занять боевые позиции! К бою!

Взгляд командира упал на огромную ржавую цистерну, похожую на подводную лодку, внезапно всплывшую посреди огорода, и он тут же отдал новый приказ:

Танечка живо приложила бинт с подорожником прямо на боевое ранение. Командир застонал.

— Терпи, — строго сказала медсестра. — До свадьбы заживёт!

— А если невеста увидит шрам и испугается? — забеспокоился командир.

— Тогда ты скажешь: «Это меня медсестра Кулебякина спасла». Она сразу влюбится.

— А, если нет?

— Значит, дура, — вздохнула Танечка. — Всем известно, что шрамы украшают мужчину, — констатировала она и потуже затянула бинт.

— Стратегия! — одобрил командир.

Высота 112,3 взята. Обошлось без потерь. Все представлены к награде за боевые заслуги.

— Мы победили! — с гордостью отрапортовал командир бабушке.

Бабушка засмеялась и позвала командира с медсестрой уплетать горячие ароматные пироги.

— Ни шагу назад! — воскликнул командир Максим, и, увидев румяные пироги на столе, уверенно сделал три шага вперёд. — Завтра продолжим наступление.

Глава 2. Голубой берет

— Держи, десантура, это тебе! — отвесил щедрый подарок дядя Максима, вручая ему свой голубой берет.

Берет был выцветший, с затертым краем, но пахло от него кожей, потом и чем-то далёким, почти родным — как от старой солдатской гимнастёрки. Максим взял его дрожащими руками, словно святыню.

— Спасибо! — еле дыша вымолвил он.

Счастьем Максима не было предела. Вы бы видели, как вспыхнули его глаза! Глаза стали цвета этого берета — синие-синие, как небо над головой. Ведь он с детства мечтал о военной карьере.

Всё началось ещё в первом классе. По чёрно-белому телевизору тогда показывали далёкую Чечню — дым, тревожные голоса, встревоженных людей. Максим смотрел на солдат и думал: как же тяжела их ноша, но как же велика их сила. А потом его накрыла странная мысль: «А вдруг война кончится, а я так и не успею?». Ему хотелось по-настоящему защищать, рисковать, быть там, где опасно, а не стрелять холостыми в безмолвные картонки. Война казалась ему делом настоящих мужчин, а мирная служба — скучной подготовкой. Он боялся опоздать на главное дело своей жизни.

Его тетради были исписаны конспектами по воинским дисциплинам, которые он изучал самостоятельно и жадно черпал из всего, что только попадалось ему в руки. Страницы конспектов пахли типографской краской и пылью архивов, а поля были исчерканы пометками «запомнить!», «проверить!», «выучить наизусть!».

В то время мы получали знания только из книг. Счастливое нецифровое детство!

Он знал российскую историю сражений до мельчайших подробностей. И, казалось, мог бы разобрать и собрать любой вид огнестрельного оружия с закрытыми глазами. (Правда, однажды он попытался собрать из деталей будильник, и тот потом звонил в три ночи, изображая воздушную тревогу. Но это уже издержки таланта.)

Его энциклопедические знания поражали даже бывалых вояк и ветеранов.

Немудрено — Максим сутки напролёт жадно поглощал книги, связанные с его мечтой. Местные библиотеки крестились от читательских набегов Максима — он одним махом сметал все полки военной литературы. Библиотекари уже знали Максима в лицо и при его появлении судорожно шли собирать длинный список книг, покорно растворяясь между полок.

После окончания школы выбор учебных заведений в нашем городе был невелик. Можно было изучать экономику, постигать премудрости сварщика или лечить животных. Бабушка, например, предлагала пойти по ее стопам в повара: «С голоду не пропадёшь, и форма у них красивая, белая». Максим только отмахивался.

Но ради своей мечты он был готов ехать хоть на край света, хоть за его край. После восьмого класса он хотел постигать военное дело в Суворовском военном училище или в Рязан-

ском училище ВДВ. И с большой долей вероятности преуспел бы в этом деле. Однако судьба распорядилась иначе.

— Не годен, — как молотом ударил женский голос.

Кабинет в областном военкомате был серый, казённый. За столом сидела женщина-окулист — лет сорока, с ледяными глазами и высоким пучком волос. На стене — плакат «Береги зрение смолоду» с девочкой, читающей книгу с слишком близкого расстояния. Максим спал с лица и вначале подумал, что ослышался.

— Молодой человек, — холодно произнесла она, снимая очки. Её голос не обещал пощады. — для службы в элитных войсках требуется полноценное бинокулярное зрение и идеальное цветоразличение. Нужна минимум вторая группа предназначения. У тебя — четвёртая. А знаешь, какая нагрузка на глаза при прыжке? С твоим зрением это риск просто ослепнуть. Так что, извини, боец, не выйдет из тебя десантник.

У Максима подкосились ноги. Он почувствовал, как пол уходит из-под ног. Сердце ухнуло вниз.

И вдруг — в её глазах что-то дрогнуло. Женщина помолчала, потом сказала уже теплее: — Есть, правда, компромисс. Ракетно-артиллерийский кадетский корпус. Туда берут с неидеальным зрением. Можешь попробовать.

Максим покачал головой. Он болел ВДВ. Душой и сердцем. Для него голубой берет — это не просто головной убор. Это судьба.

— Извините, — выдавил он. — Но я не умею стрелять из пушек, я умею падать с неба. Мне не нужен компромисс, мне нужен только голубой берет.

Женщина вздохнула, уже почти по-человечески:

— Воля твоя. Следующий!

Максим лишь кивнул, не в силах произнести что-то в ответ, и молча вышел из кабинета. За дверью он прислонился к стене. Коридор качался.

Из соседней двери вышел парень — примерно того же возраста, с перевязанным пальцем и грустной улыбкой. Увидел Максима, прислонившегося к стене, и подошёл.

— Эй, командир, ты как? Живой?

Максим поднял глаза. Хотел сказать «нормально», но вместо этого выдохнул:

— Не годен. Зрение.

— А, — парень кивнул, как будто понимал, о чём речь. — Меня тоже. Аппендицит в детстве вырезали — шрам, говорят, не тот. — Он зачем-то показал перевязанный палец. — Это уже потом, бытовуха.

Максим невольно усмехнулся: — Тоже военным хотел?

— Да кто ж не хотел? — парень пожал плечами. — Ну ладно, не раскисай. Гражданка тоже неплохо. Чай, не на войне.

Он хлопнул Максима по плечу и пошёл к выходу. Уже у двери обернулся:

— Может, ещё свидимся. Я — Толян.

— Максим, — ответил тот, но парень уже скрылся за поворотом.

Максим медленно выбирался из коридора, который давил сверху всей своей казённой тяжестью. Снаружи он выглядел обычным парнем, но внутри него весь мир рушился, и он не знал, куда деться от навязчивых мыслей. «Это конец. Конец всему».

Раньше он не снимал дядькин голубой берет даже ночью. А теперь не решался прикоснуться. Но и выбросить не мог. Он вытащил из стены старый гвоздь — когда-то на нём висела фотография прадеда — и бережно повесил берет на него. Над кроватью. Прямо над подушкой. Максим ложился лицом к стене. Берет висел — выцветший, мягкий, похожий на кусочек неба, который залетел в комнату и застрял. Максим смотрел на него часами. Не плакал. Просто смотрел. И думал: почему? Почему не годен? Почему зрение? Почему небо закрыто?

«Расплескалась синева...» больше не звучала из колонок его магнитофона, и он, казалось, смирился. В душе поселилась глухая тоска, как осенняя морось, которая не прекращается, а только гнетёт сильнее.

Берет не пылился — он жил своей тихой жизнью на стене. Каждое утро Максим открывал глаза и первым делом видел этот клочок синевы. Берет встречал его рассветами и провожал закатами. Иногда Максим протягивал руку, касался выцветшей ткани, но снимать не решался. Только гладил, будто просил прощения. И шептал: «Потерпи. Может, ещё надену».

В доме поселилась тишина. Мать ходила сама не своя, отец замкнулся. Танечка просто обняла брата и уверенно сказала: «Ты всё равно будешь командиром». Он не плакал, но она чувствовала, как вздрагивают его плечи. Бабушка только охала да крестилась в угол. Пирог остывали на столе — никто к ним не притрагивался.

Прошли дни, недели. Максим понемногу приходил в себя. Он перестал вздрагивать, услышав за окном звук вертолёт, и уже не рассматривал карты военных действий в книжных магазинах. Но берет по-прежнему висел над кроватью — немой укор утраченной мечте.

Однажды утром солнце пробилось сквозь шторы, и луч упал прямо на голубой берет. Ткань засветилась, заискрилась, как живая. Максим, ещё не проснувшись до конца, увидел это сияние и на миг поверил — чудо случилось, берет зовёт. Он приподнялся на локте, но тут же осёкся и опустил обратно. «Не сейчас», — сказал он себе и ушёл на кухню пить чай. Бабушка, как всегда, напекла гору пирогов.

Жизнь брала своё: нужно было куда-то поступать, кем-то становиться. И тогда он принял решение, которое тогда казалось отступлением. В отсутствие вариантов он стал блестяще заниматься экономикой. Но глубоко внутри, где-то за рёбрами, теплилась крошечная, почти неле-

пая вера: когда-нибудь он всё равно наденет настоящий голубой берет ВДВ. Вопреки всему, несмотря ни на что.

А пока берет висел над его кроватью — на ржавом гвозде, как орден на груди у старого солдата. Максим иногда снимал его, вдыхал запах кожи и пота, прижимал к лицу, чтобы почувствовать ту самую синеву. Потом аккуратно вешал обратно. Берет словно знал: время ещё не пришло. Он просто ждал. Ждал своего героя. Терпеливо, без обид.

Поражение — это тоже начало. Только более горькое и потому более честное. Просто это первый шаг для тех, кто не сдаётся.

А что из этого вышло — читайте в следующей главе.

Глава 3. КМБ

— Урааааа, пришло! — пританцовывая, вспорхнула вверх по ступенькам Танечка и, вбежав в квартиру, закричала: — Mamочка, танцуй, у нас красное письмо! Военская корреспонденция! — важно добавила она.

— Ну наконец-то! — мама всплеснула руками, и мука разлетелась по всей кухне. (Это мамины фирменные лепёшки готовились на сковороде.)

— Скорее открывай! Читай скорее! — не унималась мама.

Танечка на ходу скинула туфли, так что они разлетелись по разным углам, и торжественно села за кухонный стол, бережно открывая заветный конверт. Мама опустилась рядом.

— Ну, читай! — нетерпеливо сказала мама.

Танечка откашлялась и начала:

«Здравствуйте, мои родные! Как и обещал, пишу вам письмо. Я попал служить на учебную ракетную базу РВСН. Прохожу курс молодого бойца. В учебной роте пробуду до конца июля...»

— РВСН — это же ракетные войска? — перебила мама. — Грозно звучит. Он там хоть не запутается, где какая кнопка?

— Тихо, мам, дальше, — остановила её Танечка.

«...31 июля у меня военная присяга, после чего я либо останусь здесь, либо меня отправят служить в Московскую академию. Не волнуйтесь, у меня всё хорошо. Дедовщины у нас нет, есть только уставщина, что ещё хуже! Это означает, что за косяк одного солдата отвечает весь взвод...»

— Ой, — вздохнула мама. — А если кто-то форму застегнёт не на ту пуговицу — у них там что, расстрел?

— Mam, ну это армия, — улыбнулась Танечка. — Тем более здесь стоит смайлик.

— Дальше! — просила мама.

«...Физически я один из самых сильных, кровать заправляю идеально, на подъёме встаю один из первых в строй. Так что я всё успеваю. Единственное, подшивать подворотнички ещё не научился идеально, но это дело времени...»

— Ой, мамочки, — всплеснула руками мама. — Подворотнички! Да он дома даже носки сам не стирал! А тут подворотнички! Он их, наверное, к берцам пришивает!

— Mam, дай дочитать, — засмеялась Танечка.

«...По субботам у нас парко-хозяйственный день: убираем территорию и казарму. Скоро поедем на стрельбище. Уже разбирали и собирали автомат на время и бегали в противогазах...»

— И автомат разбирают? – ахнула мама. – А потом он у них стрелять не перестанет?

— Если соберут правильно – не перестанет, – успокоила Танечка. – А за Максима точно не стоит волноваться. Он у нас тот еще Кулибин!

— Еще и бегают в противогазах. – ужаснулась мама. – А если споткнутся?

— Тогда отжимаются, мам. Или чистят картошку. Тоже в противогазах, – продолжала Танечка.

Мама поёжилась:

«Картошка в противогазе – это уже перебор».

— Армейский ритуал, – пояснила Танечка. – Слушай дальше.

«Из минусов службы только каменные берцы — в жару стираем ноги в кровь. Сейчас, когда полроты вернулось из госпиталя из-за стёртых ног, ОРЗ и прочего, в наряды ходим реже. У меня ноги уже зажили. Я отбил свои берцы молотком, и они теперь мягкие...»

— Молотком? — удивилась мама. — Он их что, в кузнице отбивал? Они теперь не мягкие, они, наверное, плоские!

— Мам, ну это же армия! — засмеялась Танечка. — Там всё плоское: и берцы, и устав, и чувство юмора у командиров.

— Главное, что мягкие, — сказала мама. — Дальше, дальше.

«...Бабушке передайте, что кормят нас хорошо. Молочную кашу я теперь тоже ем за обе щеки...»

— О, — обрадовалась мама. — Я ему ещё в детстве говорила: будешь кашу есть — солдатом станешь. А тут наоборот.

— Мам, не дрейфь, — засмеялась Танечка. — Если каша пошла — значит, солдат в строю.

«...Если приедете ко мне на присягу, привезите, пожалуйста: одеколон рублей за 200, одноразовые станки, стельки помягче и блок сигарет...»

— Сигареты? — удивилась мама. — Он что, курить начал?

— Мам, зато он теперь знает, что такое «перекур», — засмеялась Танечка.

«...Вы не представляете, как фантастически приятно получать от вас письма и посылки. Жду не дождусь, когда увижу вас всех! Но армия есть армия. Здесь из нас делают

настоящих мужчин. Не волнуйтесь, у меня всё в порядке. Обнимаю вас крепко и целую. Ваш солдат рядовой Максим.»

Танечка опустила письмо. Мама вытерла глаза фартуком.

— Ну что, — сказала мама. — Едем на присягу. Везём всё, что просил. Чебуреки — сверх плана.

— Мам, он чебуреки не заказывал.

— А это сюрприз. Солдатское счастье — это когда неожиданно вспоминаешь, что дома тебя любят. Даже если ты куришь. Запомни, Танька! Ни один командир не заменит горячий чебурек в минуту отчаяния.

Они переглянулись и засмеялись. Танечка тут же поторопилась за покупками.

Шли дни. Наконец всё было готово: сигареты, стельки, одеколон, станки и, конечно, чебуреки. И ещё кое-что сверх плана. Оставалось только доехать.

Электричка медленно покачивала вагоны. За окном тянулись леса, перелески, маленькие станции. Через пару часов поезд наконец дополз до места службы Максима. Там родители и сестра Максима пересели на автобус и приехали в воинскую часть.

Жара стояла страшная — пот катился градом, а воздух дрожал над асфальтом.

— Максиииим! — радостно закричала Танька, едва завидев брата. — Мы приехали!

И побежала, раскинув руки, прямо как в детстве. Брат широко улыбался, но как-то поновому, по-взрослому. Родители обомлели: Максим уезжал ещё совсем мальчишкой, а теперь перед ними стоял настоящий солдат — по выправке, по взгляду, по тому, как он себя держал.

— Здравия желаю! — подмигнул он.

Мама заплакала и тоже кинулась к Максиму. Отец подошёл и крепко пожал ему руку. Они переглянулись: их мальчик вырос.

А потом был плац, строй, и слова, которые произносят раз в жизни.
В час дня на плац опустилась торжественная тишина.

— Смотрите, как стоит, — шепнула Танечка родителям. — Как будто всю жизнь в строю.

— Это армия, — отец кивнул, глядя на сына.

У него тоже блестели глаза — по-мужски, скупно, но сильно.

Они стояли в толпе таких же взволнованных родственников и смотрели на солдат. Танечка — в лёгком белом сарафане — сочувственно поглядывала на новоиспечённых бойцов, которые мучились от жары в деревянных берцах, но не подавали виду.

— Гляди, — шепнула мама, кивнув на солдата, который пошатнулся от духоты. — Ещё один, без стелек. Сейчас упадет.

— Не упадёт, — сказал отец. — Устав не позволяет.

Когда стройные ряды солдат торжественно промаршировали по плацу и замерли по стойке смирно, командир части произнёс торжественные слова, и над плацем прокатилось: «Служу Российской Федерации!».

Потом Максим шагнул вперёд и, почти глядя в небо, громко повторил: «Служу Российской Федерации!».

Его голос разнёсся над площадью, и мама заплакала. Ей показалось, что это Максим навсегда прощается с детством. В его голосе было всё: и детская игра в войнушку, и занозы от деревянного автомата, и высота 112,3.

Танечка замерла. Отец выпрямился. А Максим просто смотрел в небо и улыбался.

Площадь постепенно пустела. Жара не спадала, но напряжение отпустило.

Максим провёл семью по расположению части: показал казарму, учебный корпус и даже «секретный» склад, откуда никто ничего не выдавал, но Максим гордо сказал: «Тут баллистические ракеты стоят на боевом дежурстве. Шучу. Но мог бы и не шутить».

А когда зашли в расположение роты, он подвёл семью к своей кровати.

— Смотрите, — сказал он с гордостью. — Заправляю по уставу. Простынка — без морщин, одеяло — уголком, подушка — на боевом взводе.

Танечка присвистнула.

Мама провела рукой по простыне:

— Как в больнице. Даже лучше.

— Это я за месяц научился, — скромно добавил Максим.

— Молодца, наша школа, — одобрил отец.

Но мама уже присела на корточки и заглянула под кровать.

— Это что за чудовища? — спросила она, увидев берцы.

— Это мои берцы, мам, — улыбнулся Максим. — Мягкие, как тапки.

— Мягкие, как тапки? — не поверила мама. — Ну-ка, дай померять.

— Мам, они же солдатские, тебе велико будет... — не успел договорить Максим.

Но мама уже стянула туфли и с трудом натянула берцы. Встала, сделала два шага и ухватилась за кровать.

— Ой, мамочки! Да это же гири! Как вы в них бегаєте?

— А мы не бегаем, — ответил Максим. — Мы маршируем. Я же их молотком отбил.

— Отбил? — вздохнула мама. — Я бы их расстреляла.

— Мам, устав не позволяет, — рассмеялся Максим.

После служивым дали увольнительную — на пару часов, за пределы части.

— Ну, куда пойдём? — спросила Танечка, крепко уцепившись за руку брата.

— К мороженому! — хором сказали Максим и мама, выходя за КПП.

Какое же вкусное мороженое было всего в пятистах метрах от части! А ещё вкуснее — курица-гриль и мамины чебуреки, которые она торжественно достала из заветного пакета.

— Мам, ты что, чебуреки с собой привезла? — удивился Максим.

— А ты думал, я без них поеду? Чебурек — это тебе не стельки, он и душу греет, и живот.

Они сидели на лавочке у ларька, ели мороженое, болтали, смеялись, а Максим рассказывал про уставщину и про то, как научился подшивать подворотнички по уставу.

— А девушки у тебя нет? — неожиданно спросила Танечка.

— Есть, — серьёзно ответил Максим. И уже с улыбкой продолжил: — Родина-мать.

Мама вздохнула, но улыбнулась. Отец усмехнулся и покачал головой:

— Ну, Родина-мать — это как командир роты. Не поспоришь, но и не обнимешь.

Время пролетело незаметно. Пора было возвращаться в часть. У КПП они долго стояли обнявшись. Мама не отпускала, отец молча сжимал плечо, Танечка уткнулась носом в его грудь. Никто не хотел разжимать рук. Глаза были на мокром месте.

— Ты держись тут, солдат, — тихо сказал отец.

— Мы будем ждать, — сказала мама. — Письма писать.

— И пироги печь, — с грустью добавила Танечка.

— Я знаю, — ответил Максим. — Спасибо, что приехали. Спасибо, что вы у меня есть.

Голос его чуть дрогнул, но он быстро взял себя в руки. Солдат не плачет.

— Приеду в отпуск, — пообещал он. — А вы пишете мне. Это, оказывается, очень важно.

— Обязательно, — сказала мама, вытирая слёзы.

— И сигареты не забудьте, — улыбнулся он уже на бегу. — Я пошутил про блок. Хватит пачки. Бывайте!

Он скрылся в дверях КПП. Танечка ещё долго смотрела вслед брату. В голове крутилось: «Надо же, голубого берета нет, а синева в глазах осталась. Мой брат — настоящий солдат. Просто пока без крыльев. Но когда-нибудь они вырастут».

Десантник не всегда тот, кто прыгает с парашютом. Иногда он тот, кто готов прыгнуть, даже если самолёт улетел. Он уже был тем, кем хотел стать. Солдатом. Сыном. Братом. Человеком, который пару часов назад сказал Родине «да» и не пожалел об этом ни разу. Человеком, который так ещё и не надел голубой берет, но носил его в своём сердце.

Глава 4. ДМБ

— Макс, опять ты направляющий! Сколько можно? — добродушно подтрунивали сослуживцы, выстраиваясь в затылок ровно по ниточке.

— Спецзадание у меня такое: первым в гражданскую жизнь ворваться, — отшучивался Максим, поправляя китель.

— Равняйся! Смирно! — голос ротного, зычный и привычный, на мгновение заставил всех замереть. — В гражданскую жизнь... строевым шагом... с места шагом марш!

Солнце слепило глаза, и начищенные до блеска туфли горели, как зеркала. Последний раз они чеканили шаг в едином ритме — ритме, который уже завтра станет только воспоминанием.

Торжественно, при полном параде, дембеля промаршировали вслед за Максимом. В последний раз они вбивали шаг в плац воинской части, что на Китай-городе. А потом — отчеканили прямо в распахнутые ворота КПП, оставляя за воротами год службы.

Под восторженные взгляды прохожих и внезапные аплодисменты случайной публики, новоиспечённые «гражданские» в последний раз по-братски обнялись, пообещав не теряться, и разлетелись, будто птицы, в разные уголки нашей необъятной Родины. Максим на мгновение задержался, оглянулся на казарму, на плац, где осталась часть его жизни. А потом шагнул вперёд — в другую жизнь. Гражданскую.

Затем был поезд, стук колёс, мелькание станций и одна-единственная мысль: «Скоро я буду дома». Максим не помнил дороги — всё слилось в долгое ожидание, вглядывание в окно и длинные рельсы. И вот — знакомый дом, родная дверь, а за ней — голос, которого он ждал больше всего.

— Вернулся! — голос матери дрогнул и сорвался на высокой ноте, когда на пороге возник знакомый силуэт. — Танька, ты глянь... наш солдат вернулся, живой, настоящий!

Танька, забросив все дела, вылетела в прихожую и оглушительно завизжала, в мгновение ока повиснув у брата на шее:

— Ура-а-а! Дембеля на пороге! Пустите героя к сестре!

Максим сиял, как начищенная пряжка ремня, едва успевая отбиваться от объятий:

— Встречайте солдата. Службу закончил, в полное распоряжение семьи прибыл!

— Здравия желаю! — вытянулся отец, крепко пожимая сыну руку и пряча гордую улыбку в усах.

— Батюшки! — всплеснула руками бабушка, поторапливаясь к солдату из кухни с полотенцем через плечо.

На мгновение в прихожей повисла тишина — все разглядывали Максима, не веря своим глазам. Максим заметно возмужал, раздался в плечах, но тот самый озорной огонёк в глазах никуда не делся — разве что стал чуть серьёзнее.

А потом отец хмыкнул: «Ну, боец, какие теперь рубежи брать будешь?» — но Максим только покачал головой: все эти «рубежи» остались там, за КПП. А здесь начиналось нечто другое.

Максим скинул с плеча армейскую сумку, и она глухо ударилась об пол. Кивнул в сторону угла, где сиротливо стояла припавшая пылью старая удочка:

— На рыбалку хочу, пап! Тишины и карасей... — задумчиво добавил он.

— На рыбалку — это дело хорошее, — одобрил отец.

— Какая рыбалка на пустой желудок? — в разговор решительно вмешалась бабушка. — Сначала мои пироги. Небось, там, в своих академиях, и вкус их забыл, на казённых-то харчах? — в слезах улыбалась бабушка, крепко прижимая внука к груди.

— Обижаешь, бабуль! — ласково отозвался Максим. — Я этот вкус в караулах вместо устава цитировал!

— Ишь, балагур, — довольно прошептала бабушка, украдкой утирая слезу краем платочка. — Садись за стол. — И, подкладывая внуку самый большой кусок румяного пирога, выдохнула: — Слава Богу, дома!

Пирог рассыпался на языке — тёплый, мягкий, с хрустящей корочкой, совсем не такой, как в столовой, где еда была точёной, без души. Максим закрыл глаза на секунду: «Вот оно, счастье».

— Так, Максим, рассказывай, — Танька, наконец, отлипла от брата и присела рядом на край стула. — Как там Москва? Или ты только ракеты свои видел?

— Москва, сестрёнка, она как большая ярмарка, — Максим степенно отломил еще кусок пирога, из которого тут же повалил ароматный пар. — Шумно, людно, все куда-то бегут. Там как в столовой, всем раздали тарелки, а еды нет.

— И то верно, — подхватил отец, подвигая сыну кружку с темно-янтарным чаем. Ты лучше скажи, с боевой техникой-то подружился? Или только плац топтал?

— Батя, в Академии РВСН с техникой не дружат, её там уважают по имени-отчеству! — улыбнулся Максим. — Теперь я в любой железке разберусь. Хочешь — твою старую Волгу переберу, хочешь — Запорожец, чтоб не чихал на всю деревню.

— Ты ешь, ешь, соколик, — не унималась бабушка, — Чтоб ни одного пропуска приёма пищи! А то плечи широкие, а щёки — одни ямочки остались.

— Бабуль, так это же для аэродинамики, — с серьёзным видом заявил Максим, уплетая пирог. — Чтобы встречный ветер при беге не мешал.

— Аэродинамика, говоришь? — хмыкнула бабушка, — ну-ну. Вот завтра пойдёшь картошку окучивать — там и проверим твою аэродинамику, — беззлобно ворчала бабушка, подливая в большую кружку внука горячий чай.

— Есть, товарищ бабушка! — отрапортовал Максим, пряча улыбку в пироге, - Только из армии, а уже в наряд на сельхозработы, - картинно вздохнул Максим, обращаясь к сестре. Никакого почтения к защитнику Отечества! — улыбался он.

Танька захихикала.

— Почтение у нас по расписанию — сразу после прополки! — уточнила Таня. — А пока — маме слово, она полдня на часы смотрела, пока тебя ждала.

Мать, молчавшая всё это время и просто любовавшаяся сыном, лишь тихонько коснулась его руки:

— Пусть ест, Танечка. Пусть просто побудет дома. А картошка с карасями – они подождут. Караси сегодня тоже, поди, радуются, что Максим вернулся.

— Про карасей это ты метко, мам, — Максим улыбнулся, откидываясь на спинку стула и чувствуя, как приятная сытость разливается по телу. — Я пока в поезде ехал, всё представлял, как на своё старое место у заводи приду. Там, наверное, уже борщевиком всё заросло?

— Заросло, — ответил отец, прихлёбывая чай. — Мужики там теперь редко бывают, всё больше к мосту ходят, где поглубже. Я и покосил уже там на прошлой неделе, ждал тебя. Так что заводь теперь полностью в твоём распоряжении.

— Вот и отлично, — Макс посмотрел в окно, где сумерки медленно окутывали знакомые с детства крыши домов. — Завтра на рассвете и схожу. Тишины хочется. Такой, чтоб только камыш шуршал.

— Тишины он захотел, — хитро прищурилась Танька. — А про клуб забыл? Там же завтра танцы. Пацаны и девчонки уже все уши мне прожужжали: «Когда Макс приедет? А правда, что он теперь офицер?». Будешь завтра в центре внимания, как пить дать.

Максим усмехнулся и пригубил чай.

— Посмотрим, Тань. Мне бы сначала с мыслями собраться, а танцы никуда не денутся.

— «Посмотрим»! — передразнила сестра. — А форма у тебя знатная, — заметила она. — Можно хоть фуражку примерить для фото?

— Устав не велит, — строго ответил Максим, но тут же смягчился. — Ладно, так и быть. Только чур аккуратно, это тебе не панамка.

— Ладно вам, заболтали парня, — подала голос бабушка, когда последний кусок пирога исчез с тарелки внука. — Ему выспаться надо с дороги. Ступай в свою комнату. Там и воздух свежий, и бельё мятой пахнет, как ты любишь.

Максим довольно откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. Тепло разливалось по телу не только от угощений, но и от того, что он наконец дома. Разговоры сами собой стихли, а усталость и сытость взяли своё. Даже вездесущая Танька притихла, подперев щёку кулаком. Он с улыбкой обвёл взглядом мать, отца, сестру, бабушку, затем поднялся.

— Иди, сынок! — улыбнулась мать. — На сегодня разговоров хватит, впереди целое лето.

Поднявшись, Максим почувствовал, как тяжесть дороги окончательно уходит. Здесь, под этой крышей, даже воздух был каким-то лечебным. Он обнял мать, пожал руку отцу, чмокнул бабушку в морщинистую щёку и, подмигнув Таньке, пошёл в свою комнату.

В комнате было тихо — только часы тикали на стене, мерно, как шаги в строю. Когда он закрыл за собой дверь, то вдруг почувствовал, что комната стала меньше. Или это он вырос? Всё те же занавески с красными цветами, тот же свет из окна, падающий на старый письменный стол, исцарапанный ещё в детстве. Запах книг, старых чемоданов и чего-то давнего, почти забытого, похожего на сон.

Там, на старой полке, всё ещё стояли его пластмассовые солдатики, застывшие в вечном карауле. Максим поправил одного из них: «Вольно, братцы! Теперь я с вами». На стене на почётном месте висел тот самый голубой берет, что когда-то подарил ему дядька. Чуть выцветший, но всё такой же синий, как небо над плацем в день присяги. Максим протянул к нему руку, но не снял. Только коснулся края. «Ждал? — спросил он шёпотом. — Я вернулся».

Он постоял ещё немного, не отрывая взгляда от берета. А когда очнулся, за окном уже сгустились сумерки и зажглись первые звёзды.

Максим выглянул в открытое окно. Луна уже заглядывала в комнату, и её свет падал на голубой берет, делая его почти серебряным. Воздух казался каким-то особенным — не по-уставу вольным. Не нужно было ждать команды «отбой», не нужно было проверять снаряжение. В углу действительно ждала старая удочка, и Максим уже представлял, как завтра на рассвете, когда туман ещё стелется над водой, он наконец-то опустит поплавок со знакомого берега.

— О чём задумался, солдат? — тихо приоткрыл дверь отец, прислонившись к дверному косяку.

— О том, как всё изменилось, пап. И в то же время как хорошо, что дома всё осталось прежним, — Максим улыбнулся, глядя вдаль.

Отец постоял на пороге, потом молча подошёл, положил руку на плечо и так же молча вышел. Дверь закрылась мягко, почти неслышно.

Максим повернулся к окну, вдохнул полной грудью — и сразу потянуло мятой, яблоками и скошенной травой... запахами, которые он помнил с самого детства и которые не мог забыть даже в казарме. Тишина стала густой, почти осязаемой — такой, какой она бывает только дома, когда всё наконец хорошо. Максим сел на край кровати, ещё раз взглянул на берет, на солдатиков, на звёзды за окном и вдруг понял: всё, что было, — не зря. А всё, что будет, — только начинается.

Завтра начнётся новая, гражданская жизнь: поиски работы, встречи с друзьями, новые цели. Но сегодня он просто наслаждался моментом — моментом человека, который выполнил свой долг и вернулся туда, где его любят и ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.